

Здравствуйте, я ваша Золушка!

Автор:

Юлия Климова

Здравствуйте, я ваша Золушка!

Юлия Климова

Если в жизни девушки имеются добрая фея, прекрасный принц и... вредные родственники, которые сначала долго тиранят ее, а затем выгоняют из дома, – то кто она? Конечно же, самая настоящая Золушка! Да, судьба Сашеньки Аксеновой имела много общего с судьбой сказочной героини – правда, в роли феи выступал суматошный дедок, а принц не обращал на нее внимания. Что делать бедной сироте? Правильно – не падать духом! Тем более что до бала остались считанные дни!

Юлия Климова

Здравствуйте, я ваша Золушка!

Любимой маме

Андрей Юрьевич Белозерцев сделал большой глоток минералки, точным движением отправил пластиковый стаканчик в мусорную корзину, взъерошил русые волосы и, постукивая колпачком ручки по столу, методично произнес:

– Марина, ничего не поделаешь – менять придется очень многое. Мы скатились на последние строчки рейтингов и бездействовать в данном случае попросту не имеем права. Грядут перемены. – Он придвинул к себе пухлую кожаную папку и вынул из нее исписанные размашистым почерком листы бумаги. – Основная работа ляжет на ваши плечи... Здесь я подробно изложил план дальнейших

действий и пометил пункты, которые требуют особого контроля. Обратите внимание на пункт под номером пять – нести за него ответственность будете именно вы.

Андрей Юрьевич протянул лист Марине, откатил назад кресло и встал.

«Да, – подумал он, закладывая руки за спину, – в жизни нашего журнала начинается новый этап. Успешный. Хотя... гори оно все синим пламенем!».

В те недалекие времена, когда владельцем журнала «Артэль» был умный и вечно занятой Кирилл Григорьевич Фокин, проблем практически не возникало. Устойчивый спрос читателей, толковая реклама, хорошие показатели успеха, никаких случайных сотрудников и четкий, годами выработанный стиль. Белозерцев, являясь главным редактором, с удовольствием засиживался в кабинете до глубокой ночи и с не меньшим удовольствием просыпался в семь утра, приводил себя в порядок и отправлялся на работу.

Но судьба была немилосердна к Фокину, и в возрасте пятидесяти трех лет он скоропостижно скончался от болезни сердца. Его супруга, погоревав, решила лично заняться журналом и, отменив ранее принятую политику невмешательства в дела главного редактора, бросилась штурмовать неведомые вершины. Поначалу Белозерцев молчал, входя в скорбное положение вдовы, но затем терпение иссякло и он настоял на серьезном разговоре. Госпожа Фокина покивала, согласилась немного «попридержать коней» и практически тут же потребовала заменить три полосы на другие, более интересные (на ее взгляд).

Белозерцев старался быть объективным и признавал, что некоторые идеи Фокиной заслуживают одобрения, но нельзя же обрушивать на верного читателя столько новшеств сразу и совершенно ни к чему делать из информационно-развлекательного журнала исключительно развлекательный. Спрос постепенно пойдет на спад, а на завоевание новой аудитории уйдут долгие месяцы (и это притом, что конкурентов пруд пруди!).

Андрей Юрьевич даже подумывал уволиться, но в последний момент всегда рвал заявление об уходе на мелкие кусочки и тяжело вздыхал. Во-первых, «Артэль» – его детище. Сколько он здесь проработал? Пятнадцать лет. Во-вторых, бросать увлеченную госпожу Фокину как-то не по-мужски, да и есть еще надежда, что она перебесится... В-третьих, не хочется в сорок лет начинать все заново. Один

раз в неделю он благословляет номер в печать, идет в свой любимый ресторанчик, заказывает пиво, форель и чувствует себя прекрасно... Вообще-то, так было раньше. Сейчас – пиво и форель остались, а вот привычного удовлетворения нет...

Через пять месяцев вдова действительно стала признавать свои ошибки. Но уволившихся сотрудников не вернешь, разочарованных читателей – тоже. Да и новый курс уже проложен и вновь все перечеркивать – рискованно. Оставалось только одно – плюнуть на старые обиды, встретиться и хорошенько подумать.

Два дня они исправно думали и пришли к компромиссу. Было решено:

а) ввести один новый проект, который в силу актуальности и интересности привлечет и удержит читателей;

б) постепенно вернуть старые рубрики и прекратить «разброд и шатание» как на рабочих местах, так и на страницах журнала.

Вдова также клятвенно пообещала, что больше давить не станет, займет место наблюдателя и только в самых крайних случаях (бла-бла-бла) будет настойчиво стучаться в дверь. В эти заверения Белозерцев не поверил – рано или поздно госпожа Фокина от скуки и несметного количества идей, размножающихся в ее голове со скоростью три штуки в день, вновь ворвется в его кабинет и потребует заменить одно на другое. Но пока – полгода у него есть, а после... ну что ж, он готов работать дятлом, готов двадцать четыре часа в сутки прокладывать путь к разуму госпожи Фокиной. Практика показывает – достучаться можно.

– Номер пять? – Марина с интересом пробежалась взглядом по строчкам и замерла, читая обведенный зеленым маркером текст. – Но-о... – протянула она, медленно поднимая голову. – Андрей Юрьевич, вы это серьезно?

– Никаких «но», – строго сказал Белозерцев и категорично хлопнул ладонью по столу. – Приступайте.

Самая обыкновенная Золушка

Владимирская область

Последние четыре месяца Сашенька Аксенова пребывала на вершине счастья. Даже ворчание вечно недовольной тетки и мелкие пакости двоюродной сестрицы не могли омрачить этого необыкновенно-волшебного состояния души.

У нее есть Пашка.

Пашка!

Иногда хотелось задрать голову к небу и закричать изо всех сил: «У меня есть Пашка!!!». И чтобы обязательно в ответ раздалось эхо. Звонкое и протяжное.

Ей двадцать два года, а ему – двадцать восемь. Ощутимая разница. Будто он такой взрослый-взрослый, знает ответ на любой вопрос и... любит Сашеньку... ну конечно же, любит. Такое всегда чувствуется.

А она – вечная мечтательница и доверчивая натура. И на свой возраст, если честно, не тянет. Рост – метр шестьдесят, волосы темно русые до плеч и вьются. На щеках детский румянец, да и выражение лица детское. Тут и ямочки к месту пришлись, и чуть пухлые губы, и курносый нос, и брови-черточки. Вот глаза могли нарушить первое впечатление – глубокие и выразительные, но это если вглядываться, если тонуть в этих глазах...

– Саш, может, на фиг кино, пойдем ко мне, а? – прошептал Пашка в ухо, когда до окошка кассы остался приблизительно метр.

– Не знаю... – девушка пожала плечами и покосилась в его сторону. По спине побежали колючие мурашки.

Сашенька уже давно собиралась совершить с Пашкой «это самое», и мысленно на каждый такой вопрос всегда отвечала «да», но затем привычно трусила и отчаянно мотала головой. Он же не лез с уговорами, терпеливо ждал пару-тройку дней и опять делал попытку к сближению, но согласия так и не получал.

Сашенька сама не понимала, почему тянет – роднее и дороже Пашки у нее никого не было и не будет. И не надо. Но... «Первый раз всегда страшно... момент какой-то неподходящий... трусы в горошек... вдруг его родители вернутся из командировки на полгода раньше... вдруг, вдруг, вдруг...» – фразы в голове начинали стремительно кружиться, и отговорки наслаивались одна на другую. «Просто еще не время», – обычно утешала она себя, надеясь, что очень скоро проблема отпадет сама собой. Раз – и как в сказке! Сердце заволнуется, забьется и с губ сорвутся совсем другие слова.

– Ну, ладно... пойдём к тебе, – кивнула Сашенька, краснея. – Только я ненадолго, а то тетка ругаться будет.

Последнюю фразу она добавила просто так, чтобы скрыть противное смущение и собраться с мыслями.

Она согласилась, что ли?

Взяла и согласилась?

Вот и хорошо, вот и замечательно... Пашка-то давно намекает, и правильно делает – сколько можно по кафешкам да по кинотеатрам ходить. Пора начинать новую жизнь, совсем уже взрослую. Сашенька улыбнулась и кивнула еще раз. А ведь они могли и не познакомиться, разминулись бы в этом огромном мире... Не налетела бы она четыре месяца назад на Пашку в магазине, не рассыпала бы на затертый пол яблоки, апельсины и лимоны... и все... Кошмар!

– И чего ты свою тетку боишься? – фыркнул Пашка, сжимая руку Сашеньки. – Половина дома принадлежит тебе, и селить кого попало на твои квадратные метры она не имеет права. Факт? Факт. К тому же ты совершеннолетняя и от нее никак не зависишь, пусть дочери своей нотации читает...

– Я ее не боюсь, – сморщила нос Сашенька. – У меня родственников больше нет – только Галина Аркадьевна и Светка, ну зачем я буду отношения с ними портить... И вообще, мы же договаривались на эту тему не разговаривать.

– Извини... не удержался... Мороженого хочешь?

– Ага.

– Сейчас целый килограмм куплю!

Пашка жил в центре города в двухкомнатной квартире. Пользуясь тем, что родители пребывают в длительной командировке, он частично передвинул мебель, приобрел парочку кресел, напоминающих огромные бесформенные мешки, снимал со стен акварельные картины местных мастеров и убрал на балкон коврики. Достойная зарплата программиста и финансовая помощь родителей, поступающая на банковский счет из Новосибирска, позволили купить здоровенный жидкокристаллический телевизор серебряного цвета и DVD-плеер со всевозможными наворотами. Собственно перед этой роскошью Пашка и проводил большую часть свободного времени. Сашенька уже дважды была в его квартире, дважды засиживалась допоздна и дважды участвовала в теткинских допросах. То есть отвечала честно на заданные вопросы и смущалась, когда Галина Аркадьевна смотрела уж слишком пристально. Но это было давно – в самом начале отношений (Пашка еще тогда не целовал так страстно и не обнимал так крепко).

– Шампанское будешь?

– Нет, спасибо, я только мороженое чуть-чуть...

Усевшись на угол дивана, неподалеку от журнального столика, Сашенька замерла, поглядывая на дверь. Сейчас Пашка принесет мороженое, они его слопают, а потом... Ага. Давно пора... Она самая счастливая на свете, потому что теперь никакого душевного одиночества нет. Его попросту не существует! А есть – он. Близкий и любимый человек.

Сашенька расстегнула верхнюю пуговицу кофточки, взбила волосы, выставила маленькую грудь вперед и на всякий случай пощипала и без того покрасневшие щеки (а что здесь такого? какие мысли, такие и щеки...). Именно так, по ее мнению, должна выглядеть сексапильная девушка, готовая к эротическим приключениям. Как в кино!

Процесс поедания пломбира занял буквально считанные минуты, Сашенька успела съесть только половину белоснежного кубика, как ласковые руки Пашки оказались на ее талии. Несколько поцелуев торопливой цепочкой легли на

плечо, затем вторая пуговица была расстегнута, а там уж... Сашенька отставила тарелку с мороженым на журнальный столик и повернулась к любимому. Томно вздохнула и, стараясь «быть на высоте», издала не то стон, не то мычание. Пашка, посчитав этот звук окончательным и бесповоротным «да!», сунул руки под ее кофту и нащупал застежку лифчика. Парнем он был опытным и с мелкими преградами в виде замочков-молний предпочитал разбираться сразу.

Сашенька все ждала, когда же закружится голова, защемит сердце, онемеют руки, ноги... когда же бесконечное счастье, перемешанное с романтикой и любовью, заполнит ее до самой макушки?! Но вместо этого в носу настойчиво зачекотало, а в животе булькнуло.

- Апчихи-и-и! - звонко чихнула Сашенька в плечо Пашки.

- Будь здорова! - машинально ответил он, продолжая мучиться с застежкой лифчика.

- Спасибо... Апчихи-и-и!

- Еще раз будь здорова.

- Спасибо... Апчихи-и-и! Апчихи-и-и! Апчихи-и-и!

- Ты чего? - Пашка отстранился и нахмурился. - Простыла?

- Да нет, - замялась Сашенька, понимая, что вернуться к пылким объятиям, обещающим головокружение, сердечный трепет и томление, она уже не сможет. - Апчихи-и-и! - выдала она еще звонче и потерла ладонью покрасневший нос.

- Аллергия? - разочарованно спросил Пашка, тоже осознавая, что продолжения (увы, увы, увы) не будет. Он посмотрел на пломбир и вздохнул.

- У меня никогда ее не было... - Сашенька поймала на себе полный надежды взгляд и торопливо принялась застегивать пуговицы. Вскочив, она задела тарелку, и та спикировала на паркет. Дзынь! - Ой, извини... Как-то по-дурацки все получилось...

Она еще больше смутилась, растерялась и в дополнение к этому вновь чихнула. Ну, почему, почему так... Почему?! Это же Пашка, ее Пашка!

- Ерунда, - утешил он, улыбаясь. - А посуда вообще бьется к счастью. Ерунда.

Сашенька подняла маленький серый осколок, который, точно мышонок, прижался к ее тапку, и тоже улыбнулась.

- Ага, ерунда, - согласилась она и добавила: - давай я уберу.

- Не, я сам, а потом пойдем в кино - собирались же...

Пашка встал с дивана, скользнул взглядом по ладной фигурке Сашеньки и сдержал очередной вздох - с чего начали к тому и вернулись. Эх...

* * *

Сентябрь радовал приятной, ровной погодой, птичьей болтовней, яркими красками и теплыми вечерами. Если прошлая осень выдалась холодной и мрачной - ветер завывал с утра до ночи, то в этом году царил уютный покой, которого не мог нарушить даже редкий дождик. Перестукивание капель лишь добавляло музыки, а запах сырости, перемешанный с пряно-сладким ароматом цветов, заставлял глубже вдыхать воздух и замедлять шаг.

Взгляд Сашеньки то прыгал с фонаря на фонарь, то скользил по мокрому асфальту. Она держала Пашку под руку и мысленно перебирала занятные моменты только что просмотренной комедии. Нет, героиня какая-то странная, разве можно быть такой наивной? Влюбилась в прохиндея, оказалась одна в чужом городе без гроша в кармане, влипла в историю... Ну вот о чем она думала?.. Потом встретила красавца-принца, а потом еще одного... Сашенька посмотрела на Пашку и гордо вздернула нос. Ее Пашка самый лучший! Самый! И ничего страшного, что сегодня она... расчихалась... глупо, конечно, но когда люди любят друг друга, то... то в конце концов все получается хорошо. Чувства сметают на пути любые преграды - старая истина, и... и... и вообще! Вот!

- До перекрестка дойдем, а дальше я сама, - сказала Сашенька.

– Уже темно, я лучше до дома тебя провожу, – возразил Пашка. – Тетка твоя меня все равно уже видела...

– Нет, до перекрестка.

– Как хочешь, – буркнул он недовольно. – Но тебе с ней надо быть поостроже...

– Ну Паша...

Попрощались они коротко. Он поцеловал Сашеньку в щеку, сжал пальцы, развернулся и пошел обратно.

«Сейчас поймает машину и поедет к себе... Обиделся...», – подумала Сашенька и, насупившись, поплелась к своему дому.

К своему дому...

Родителей у Александры Аксеновой не было. Уже давно. Отец погиб в автомобильной аварии, а мама, не пережив этого, зачахла через год. Из родственников осталась только тетка и двоюродная сестра Света, а из имущества – половина дома на краю родного города. Ничего не поделаешь, надо жить дальше.

Галина Аркадьевна сразу же взяла Сашеньку под свое крыло, окружив ее излишним вниманием и подчеркнутой заботой. «Сиротой же осталась, – вздыхала она, переговариваясь через забор с соседями. – А так на отца похожа, на брата моего... так похожа... Вот хочу ее в педагогический колледж определить. Воспитатель – профессия хлебная, если с умом к делу подойти».

«С умом» Галина Аркадьевна подходила практически ко всему и особенно быстро и охотно решала те вопросы, которые сулили хоть какую-нибудь прибыль. Посчитав, что половина дома для Сашеньки – это слишком большая роскошь, она сначала сдала одну комнату улыбчивому студенту, а затем еще одну – худящему коллекционеру пивных банок (своим богатством он тут же завалил выделенные ему десять квадратных метров и плюс кладовку). Сама же Галина Аркадьевна прекрасно жила вместе с дочерью на другой половине и к себе никого пускать не собиралась. «Это деньги для нашей семьи», – пафосно

говорила она Сашеньке и торопливо убирала в свой карман только что собранную арендную плату.

А Сашенька и не перечила, ютилась в родительской комнате, училась в колледже и подрабатывала курьером в небольшой торговой фирме.

Галина Аркадьевна ни на секунду не ослабляла своей заботы и не сомневалась в светлом будущем своей племянницы. «Ты думаешь, зачем тебе педагогическое образование? – философствовала она, завтракая ватрушкой и чаем с молоком. – Свою выгоду надо всегда понимать. В детском саду тебе делать нечего, платят там мало, да и голова пойдет кругом от такого количества сопливых детей. Я тебя пристрою гувернанткой в хорошую семью, сейчас это модно и даже престижно. Ответственность небольшая, зато хлеб с сырокопченой колбасой всегда будешь кушать».

Сашенька долго отходила от смерти родителей, да и Галину Аркадьевну побаивалась, поэтому только пожимала плечами и соглашалась. Какая разница... А еще очень хотелось тепла, самого обыкновенного – родственного, они же семья...

Отношения со Светой у Саши не складывались. Старшая сестрица училась в финансово-юридической академии и задирала нос так высоко, что практически протыкала им небо. Вещи – только из фирменных магазинов, подружки – только дочери влиятельных особ, мужчины – обеспеченные красавцы (ну, это в мечтах...). Бывали моменты, когда Свету пробивало на разговоры, тогда она вызывала к себе Сашеньку и насмешливо учила ее «уму-разуму».

«А у тебя неплохие шансы удачно выйти замуж, – посмеивалась Света, накладывая на ногти слой дорогого лака, – получишь диплом по специальности «воспитатель дошкольных учреждений» и мамочка пристроит тебя в хорошую семью ребенка нянчить. А ты не зевай, охмуряй хозяина. Жenuшка потом с ребенком свалит, а ты прямиком на ее местечко – плюх и в дамках. И сразу рожай, чтобы не отвертелся».

На подобное Сашенька всегда отвечала одно и то же: «меня это не интересует», «я сама разберусь за кого мне замуж выходить, а за кого нет», «давай поговорим о чем-нибудь другом». Света кривила губы и закатывала глаза, что переводилось приблизительно следующим образом: «ну и дурочка же ты...».

Как только Сашенька получила диплом, Галина Аркадьевна засуетилась – обзвонила всех подруг и знакомых и, расписывая достоинства своей племянницы, попросила помощи с трудоустройством («сироткой же девочка осталась, ответственность на мне лежит преогромная»).

Нуждающиеся в няне для своего ребенка нашлись довольно быстро, и судьба Сашеньки была решена. Отныне пять дней в неделю с утра и до позднего вечера она должна была заботиться о пятилетнем Коле – сыне бизнесмена и манекенщицы. Папа-бизнесмен дома появлялся только к ночи, в одной руке всегда газета, в другой – ноутбук. Мама-манекенщица любила спать до обеда, мало ела и находилось в состоянии постоянного раздражения. А Коля делал что хотел и ругать его за такое поведение не разрешалось.

Уже через два дня Сашенька задумалась об уходе из этой «замечательной» семьи, но тетя монолитной стеной стояла на страже ее помыслов и поступков. «Совесть у тебя есть? Я для тебя столько сделала, а ты? Кому рассказать! Нельзя же быть на столько неблагодарной! Я думала, ты станешь мне на старости лет опорой, я всегда гордилось тобой, а ты? Какой еще детский сад? Будешь гувернанткой у Коли и точка, – гневно говорила Галина Аркадьевна и добавляла: – вспомни своих родителей, разве они отступали перед трудностями?..». Сашенька сжимала губы, шла в комнату и ругала себя как только могла. Ну почему она слушает тетку? Почему?! А потому что слишком хорошо ее знает. Если они поссорятся, то Галина Аркадьевна начнет жаловаться всем соседям, запрет дверь, ведущую на ее половину дома, и прекратит всяческое общение с ней, с Сашенькой. Конечно, и так в душе постоянное одиночество, но потом-то станет еще хуже... Ладно уж, подумаешь, разберется она с этим Колей, он, в конце концов, тоже никому не нужен.

Жильцы на Сашиной половине дома сменялись довольно часто. Были вполне нормальные, были и чудные. Одних не хотелось забывать, других не хотелось вспоминать. Особенно досаждали командировочные – не понятно, как они ухитрялись днем работать, если обычно ночами пили и закусывали? Загадка...

Комнаты, лестницы, коридорчики, терраса – все уже давно требовало ремонта, но Галина Аркадьевна не торопилась красить, белить и клеить. «Это такая морока... наверное, лучше весной...» – обещала она и откладывала это дело в долгий ящик. А полгода назад она пригласила еще постояльцев – молодую супружескую пару с крикливым попугаем в придачу, и личная территория Сашеньки сократилась до минимума – до одной-единственной комнаты. О

вечерах, проведенных на уютном чердаке, теперь можно было забыть. И хотя шум-гам и бардак уже давно стали привычными, она больше не торопилась домой, а долго гуляла по улицам, заглядывала в магазины и мечтала о невозможном и прекрасном. И вот наконец-то судьба притормозила на нужной отметке – Пашка, у нее есть Пашка! А все остальное – временные проблемы...

Сашенька повернула налево и пошла по освещенной фонарями дороге. Пятиэтажки и высотные дома остались позади, а по бокам потянулись частные домики, утопающие в зелени и цветах. Высокий забор, низкий, узорчатая калитка, кирпичная стена, дверь с «глазком», опять заборчик, а вот и ее дом... Она открыла калитку, отметила, что окна на стороне теткиной половины уже не горят (допрос будет не сегодня), и направилась по узкой каменной дорожке к крыльцу.

Пройдя по коридору на кухню, она порадовалась, что никого не встретила – вечер был волнительный и немного нервный, и сейчас очень хотелось побыть одной, а не выслушивать малоинтересные истории или поддерживать пустой разговор. Выпив полстакана холодной воды, Сашенька взяла с подоконника красное яблоко и пошла в свою комнату. Вот сейчас она ляжет на кровать, прямо так, не раздеваясь, закроет глаза и подумает о чем-нибудь... хорошем. Про Пашку подумает, про свои дурацкие «апчхи» и про то, что завтра будет новый день – замечательный, солнечный, добрый.

Сашенька достала из кармана ключ (приходится запирается, а что делать?) и... услышала громкий, раскатистый храп, который доносился из ее комнаты.

Этого не может быть...

Она прислушалась.

Храп.

Точно – храп!

Сашенька надавила на ручку двери (открыто!) и заглянула в комнату. На кровати лежал человек. Мужчина. Огромный, как бык. И он спал. И, скорее, всего видел красочные сны – свет настольной лампы падал на мясистое лицо и грузное тело, давая возможность оценить незнакомца целиком и полностью.

- Кто это? - вслух изумилась Сашенька, отлетая от двери, как ошпаренная.

Кто это????!!!

На ее кровати????!!!

Только сейчас она заметила в углу, около старой тумбы, большую кожаную сумку с потрескавшимися ручками.

Командировочный... опять... но почему в ее комнате?

Закусив губу, Сашенька заметалась по коридору. Первым желанием было броситься к тетке и все выяснить, но к горлу подступил ком обиды, из глаз брызнули слезы, а сердце сжалось и забилось, как у насмерть перепуганной птицы. Ну пойдет она сейчас к Галине Аркадьевне и та ей что-нибудь ответит, но мужика-то этого с кровати до завтрашнего утра точно не спихнуть, да и нет желания заходить в комнату после такого... свинства.

Сашенька села на стул и беззвучно заплакала. Хватит. Пашка прав, она должна изменить свою жизнь. Она должна заявить о своих правах и должна стать сильнее и настойчивее. Завтра утром она поговорит с Галиной Аркадьевной и... и пусть жильцы выметаются к чертовой матери!

- Пусть выметаются, - всхлипнула Сашенька и, вынув из кармана платок, шумно высморкалась.

Завтра, она поговорит с теткой завтра...

Глава 2

Старый добрый Фей

Владимирская область

Федор Иванович Веревкин сидел в шкафу. Пушистый мех, украшавший рукав куртки, противно лез в лицо и вызывал вполне справедливые приступы негодования. Но убрать «эту гадость» было совершенно некуда, а если учесть, что дышать в столь ограниченном пространстве, забитом шмотками, весьма проблематично, то хоть караул кричи! А еще под задницей, как назло, оказался шуршащий пакет, а значит, телодвижения не желательны. Хруп, хруп – и все! Задушит Отелло и Дездемону, и этого... как его... ну, хахаля ее!

«То есть меня, – подумал Федор Иванович и дернул носом. – И доказывай потом свою непричастность и невиновность...».

Веревкин прислушался, тяжело, но беззвучно вздохнул. Вообще-то, он причастен и виновен, чего уж там... и еще неизвестно чем для него эта история закончится, но... но жить-то хочется.

А все так красиво начиналось – собственноручно выращенные гладиолусы сорта «Донна Мария», плитка молочного шоколада и коронное «как вы прекрасны, Танечка».

Татьяна Ильинична, работающая продавцом в колбасном отделе скромного магазинчика, покраснелась и пригласила к себе. Не зря же он «окучивал» ее два с половиной месяца: и подарочки дарил, и поглаживал, по возможности, мягкие места, и шептал в ушко комплименты, и ручку целовал. Этакое настойчивое заигрывание с ясным подтекстом. Вроде как, и ей сериальных приключений хочется (скоро уж пятьдесят лет стукнет, а приключений все нет), и ему «надоть». Хотя она не в его вкусе, но зачем усложнять... Крепко сбитая невысокая хохотушка, крашенная «а-ля блондинка» (волосы цвета увядшего лютика), обладательница трех золотых зубов, поклонница яркой косметики – не так уж и плоха Танечка! И колбасой «докторской» пахнет, что немаловажно... И все уже было, как у людей – страсть приняла подобающее ей горизонтальное положение, сердца бились в унисон, «молодая» хихикала часто и призывно, но... с ночной смены неожиданно вернулся муж... Ситуация, как в заезженном анекдоте.

«Надо было поподробнее узнать, кто у нее муж, чтоб, значит, спрогнозировать возможные варианты... – покачал головой Федор Иванович, чувствуя, как немеет правая нога. – Муж, муж... Прогульщик он самый настоящий! Сидел бы на своей работе, как по графику положено, так нет же, надо обязательно людям жизнь испортить!»

За свои шестьдесят пять лет Федор Иванович Веревкин побывал в разных передрягах и в шкафу сидел не в первый раз (в четвертый или пятый), но обычно проблема решалась быстро – жена выпроваживала муженька за хлебом-молоком и путь становился свободным, а тут – никаких шансов! Отказался супруг Татьяны Ильиничны топтать на ночь глядя в магазин – зуб у него, видите ли, болит, вот он и вернулся домой раньше... Симулянт!

Федор Иванович состроил гримасу и прислушался. Из соседней комнаты (или из кухни) до него долетали некоторые фразы, которые давали возможность составить картину происходящего.

– ...а гладиолусы такие драные ты где взяла? – недовольный мужской голос.

– Купила... у одной старушки.

«Они не драные! – мысленно возмутился Федор Иванович. – Они гофрированные! Понимать же надо!»

– У старушки... – шепотом перекинул он, пытаясь немного изменить позу. – Да я еще о-го-го...

Это была правда. Любовным похождениям Федора Ивановича Веревкина мог позавидовать сам Казанова. Годы шелестели, как страницы толстой энциклопедии, а чувства к противоположному полу и не думали ослабевать – вперед и с песней! Два раза он был женат, но оба брака развалились именно из-за разгульного характера Веревкина (кобелировал исключительно для бодрости духа, понимать же надо...). Детей вот не народил – это жаль, это непорядок...

– Налей еще водки – зуб прополощу... – донесся капризный голос мужа «Танечки».

– Да ты уже наполоскался. Полбутылки как не бывало!

– Болит, зараза! Налей, говорю...

– А может, тебе поехать к врачу?

- Ты на часы-то посмотри! Все уже закрыто!

- А, вроде, около хозяйственного круглосуточная стоматология была...

- Денег на такую роскошь у меня нет, я же не олигарх какой-нибудь!

Очередная попытка Татьяны Ильиничны спасти положение с треском провалилась. Федор Иванович загрустил... Может, рогоносец примет изрядное количество «беленькой» и заснет? Тогда на цыпочках, на цыпочках... и за дверь! Водка – она любую хворь лечит, особенно больные зубы, да и снотворное отменное – пусть пьет побольше.

- Гладиолусы ему мои не понравились... – буркнул Веревкин, осторожно вынимая целлофановый пакет из-под мягкого места. Раздалось тихое шуршание, которого никто, кроме Федора Ивановича, услышать не мог. – «А я вот сейчас выйду из шкафа – и будешь потом рассказывать психиатрам про белую горячку», – зло подумал он, представляя выражение лица несчастного рогоносца.

Страх и паника уже отступили, сидеть в шкафу надоело и последняя мысль показалась не такой уж и плохой. А что? Эффект неожиданности сыграет свою роль – и все обойдется без жертв и разрушений. Татьяну Ильиничну, конечно, жалко, но с другой стороны – не надо изменять. Фи. Федор Иванович поморщился, приоткрыл на сантиметр дверцу шкафа и тут же ее закрыл. Нет, он подлой душонкой никогда не был и не будет, женщину подставлять – это ж последнее дело!

Или не последнее?

Хм...

А еще можно прикинуться домовым. Сейчас в каждой третьей передаче по телевизору рассказывают про всякие... как их там? Ну-у... эти... м-м-м... паранормальные явления! О! Точно! Они самые – явления. Если верить телевидению, то кругом полным-полно инопланетян и всякой нечисти – заполонили, понимаешь, Землю от полюса до полюса и чувствуют себя здесь, как дома.

Да, почему бы и нет. Внешность позволяет.

Федор Иванович пригладил короткую бороду, почесал за ухом и кивнул собственным мыслям. Домовые – они именно такие: лопухие, косматые, наполовину седые, наполовину рыжие... Еще бы шапку-ушанку натянуть, для пущей правдоподобности – и порядок! Кстати, об одежде... Нет, не получится из него дух запечный... Трусы и рубашку при возгласе «Муж вернулся!» он надеть успел, а вот брюки были спешно засунуты Татьяной Ильиничной под кровать – без порток на паранормальное явление он не потянет, никак не потянет.

«Жаль, – подумал Федор Иванович, прощаясь с замечательной идеей, – очень жаль».

Голоса супругов стали громче, а слова, произносимые ими, – отчетливее. Раздались шаркающие шаги и скрип двери.

– Утром меня не буди, зуб, вроде, успокоился, может, и без врача обойдусь.

– Да ложись ты уже, а то опять разболится, – донесся нервный голос Татьяны Ильиничны. – А я тут... рядом... прилягу пока, а потом на кухню пойду прибираться, а ты спи. Спи.

Кажется, рогоносец решил вздремнуть... хм... Федор Иванович замер, вновь испытывая затяжной приступ страха. С одной стороны – избавление близко, с другой – надо еще дожить до этого самого избавления. А вдруг нападёт кашель или чертов пакет зашуршит, или мех на рукаве куртки защекочет нос... Одно движение и... и зубы завтра будут болеть у него самого – муж «Танечки» с удовольствием впечатает кулак ему в физиономию.

– Погаси свет.

– Спокойной ночи, дорогой.

«Спокойной ночи», – мысленно добавил Федор Иванович, искренне надеясь, что ночь у всех действительно будет спокойной.

Сидеть пришлось еще довольно долго, но наконец дверь шкафа бесшумно приоткрылась и в полутьме появилось бледное лицо Татьяны Ильиничны. Перетрухала она не меньше, и сейчас, конечно же, мечтала только о том, чтобы любвеобильный гость исчез из ее квартиры как можно скорее.

Сделав несколько знаков, она сунула Веревкину брюки и мотнула головой на кровать, мол, супруг мой почивает, давайте-ка, Федор Иванович, уходите, но только по-тихому, умоляю вас, по-тихому...

Федор Иванович медленно спустил на пол одну ногу, затем другую. Колени хрустнули, а поясницу прострелило так, что в глазах зарябило – не молодой уже, чтобы по два часа в шкафу куковать! Татьяна Ильинична блеснула золотым зубом и махнула рукой, мол, поторапливайтесь, а то не ровен час супруг проснется...

«Да сейчас я, сейчас», – округлил глаза Федор Иванович и, точно космонавт, который заново учится ходить, сделал один шаг. Почувствовав наконец руки и ноги, а также волну неприятных укольчиков, пролетевшую по телу, он, как и собирался, на цыпочках направился в коридор. Татьяна Ильинична тоже на цыпочках пошла следом.

– Бр-р-р, – донесся протяжный звук с дивана, и процессия, состоящая из двух человек, мгновенно остановилась. – Бр-р-р.

Затем стало тихо.

Федор Иванович, больше не желая искушать судьбу, прижал брюки к груди и, теряя остатки самообладания, пулей вылетел в коридор.

Брюки он натягивал в лифте – усмехался в усы, зарекался еще когда-либо встречаться с замужними дамами и кряхтел. Оказавшись на улице, он тут же закурил папиросу и несколько минут стоял под фонарем, вдыхая крепкий дым. Так долго без курева – это ж подвиг!

– Поеду-ка я завтра в Москву, – решил он, застегивая молнию спортивной кофты. – Хватит... И гладиолусы продам подороже, и яблоки... Пора возвращаться.

Он сунул руку в карман брюк и матросской походкой направился к автобусной остановке. Может, повезет и не придется тащиться на край города пешком...

Большую часть года Федор Иванович Веревкин проживал в Москве – на десятом этаже панельного дома в собственной двухкомнатной квартире. И если бы не тяга к земледелию, вряд ли бы когда-нибудь оказался во Владимирской области. Трудился шофером в таксопарке, приударял за представительницами прекрасной половины человечества, уважал новостные программы, выпивал с дружками по праздникам и редко – по выходным. Потом стала болеть спина, да и крутить баранку надоело – Федор Иванович устроился сторожем на автостоянку. Работа необременительная с избытком свободного времени, практически сам себе хозяин – живи да радуйся. Он и жил, и радовался.

Участок в десять соток и покосившийся темно-зеленый домишко достались Федору Ивановичу пятнадцать лет назад в качестве наследства и поначалу не вызвали никаких чувств. Продать, что ли? Да, наверное, продать... Вроде, и покупатель нашелся быстро, и деньги неплохие обещались попасть в карман, но в душе скребло, не отпускало. Больше половины жизни уже прошло, а дерева он не посадил, дом не построил, сына не родил... Эх... и старость коротать на одну пенсию не хочется, а тут все же приусадебное хозяйство. И земля с каждым годом все дороже и дороже... Продать? Нет, – «мое добро, мое богатство». Так Федор Иванович стал каждое лето проводить во Владимирской области на своих сотках. Сначала сажал только укроп и петрушку, потом еще кабачки, потом появились яблони и груши, потом огурцы-помидоры, а уж затем и горячо любимые гладиолусы. Чем меньше оставалось до пенсии, тем дольше он задерживался на разлинованной грядками «фазенде» – уезжал в конце весны и возвращался в начале осени. Правда, мотался туда-сюда довольно часто – то с цветами, то с урожаем. Постоянного заработка уже не было и доходы от продажи гладиолусов, овощей и фруктов были неплохим подспорьем.

– В Москву, – повторил Федор Иванович, перешагивая лужу. Потер поясницу и с чувством добавил: – и больше никаких замужних! Баста!

* * *

Под утро Сашенька заснула. Прислонив голову к стене, вытянув ноги, она закрыла глаза и почти сразу же отключилась. Состояние покоя было глубоким, но, увы, недолгим. В восемь с треском и шумом по дороге промчался мотоцикл, и

Саша, вздрогнув, проснулась. Зевнула, потянулась, с тоской посмотрела на дверь своей комнаты и встала со стула. Прерывистого храпа слышно уже не было, но легче от этого не стало – там на ее кровати дрыхнет чужой мужчина, куда уж хуже... Ну почему, почему тетя дала ему ключ?

Галина Аркадьевна всегда просыпалась рано, и Сашенька, не откладывая намеченный разговор в долгий ящик, поплелась на другую половину дома. Она полночи негодовала, задавалась вопросами, сама же на них отвечала, и теперь в душе присутствовали лишь пустота и усталость. Пусть этот человек просто уйдет из ее комнаты и пусть подобное никогда не повторяется. Пусть!

Свернув к кладовке, Сашенька открыла дверь, обитую светлым деревом, перешагнула порог и пошла на кухню – в это время Галина Аркадьевна обычно готовила завтрак и смотрела утренний сериал.

Здесь, на территории тети, царила совсем другая атмосфера, да и обстановка разительно отличалась от Сашиного жилья. Мебель добротная, из натурального дерева, отяжеленная зеркалами и всевозможными узорчатыми вставками, ковровые дорожки чистые и яркие, точно их купили вчера, диваны пухлые, широкие с небольшими подушками и лохматыми пледами. В вазах сухоцветы, на стенах большие картины в резных рамках. Чистота и порядок.

Сашенька тоже устраивала у себя генеральные уборки, но постояльцы быстро сводили все ее усилия на нет, а уж про развалившуюся мебель лучше вообще помолчать...

– Доброе утро, – сказала она, застав, как и ожидалось, Галину Аркадьевну у плиты.

– Доброе, – ответила та, щурясь. И без того маленькие глазки превратились в щелочки.

– Я хотела с вами поговорить... – с волнением начала Сашенька. Вздохнула и опустилась на мягкую плоскую подушку, лежащую на табурете.

– Догадываюсь о чем, – хмыкнула Галина Аркадьевна, откладывая на тарелку блестящую от масла лопаточку. Убавив на плите огонь, она развернулась к племяннице и скрестила руки на груди.

- Вчера я пришла домой поздно...

- И где ты была?

- В кино.

Галина Аркадьевна кивнула, принимая объяснение – на щеках проступил нервный румянец, брови чуть подскочили на лоб. О том, что у Сашеньки появился молодой человек, она уже знала, но пока не решила, как к этому относиться. С одной стороны – это хорошо, возможно, сиротка съедет к своему мужу (если парень, конечно, на ней женится), с другой стороны – это плохо... как бы не пришлось расставаться с приносящим доход имуществом. Муженек может оказаться весьма притким товарищем... А еще хуже, если Сашка в подоле ребенка принесет – и позор, и обуза, и сопли с подгузниками!

- Я вернулась, а моя комната занята. То есть... там мужчина... спал... спит, – Сашенька заправила за ухо кудрявый локон и подняла глаза на тетку. Опять куда-то пропала смелость и заранее подготовленные слова. – Вы ему дали ключ... Ну зачем же?

- Домой надо приходиться вовремя, – отрезала Галина Аркадьевна, получая удовольствие от неуверенного голоса племянницы. – Ишь, взрослая стала, на гулянки шастает!

- Но... – окончательно растерялась Сашенька. – Это же моя комната... И я уже взрослая и могу приходиться домой тогда, когда считаю нужным.

- Да-а-а??? А о приличиях ты подумала?

- Но...

- Я легла спать в одиннадцать часов, – Галина Аркадьевна нахмурилась, затем резко развернулась, составила с плиты сковородку и водрузила на ее место пузатый чайник. Подплыла к столу и села напротив Сашеньки. – Если бы ты пришла раньше, мы бы все смогли решить, а так... Человек приехал с вокзала и попросил место для ночлега. По рекомендации попросил, не выставлять же его на улицу. Я не знала, вернешься ты со своих гулянок или нет... – тетка дернула

плечом и развела руками, – в любом случае ничего страшного не случилось. Постояльца зовут Григорий Зубов, он человек положительный, занимается торговлей – погостит три дня и уедет, и будешь ты жить в своей комнате, как и прежде.

Сашенька посмотрела на тетку с безграничным удивлением. Ну как же так? Как же так?! Почему Галина Аркадьевна разговаривает с ней спокойно, будто действительно ничего ужасного не случилось?

– А я где буду жить эти три дня? – с отчаянием спросила она, немного подавшись вперед.

Хороший вопрос... Галине Аркадьевне он совсем не понравился. Она очень надеялась, что такой поворот заставит племянницу перебраться к своему дружку, а там уж они пусть как хотят... Но, кажется, с этим она поторопилась – Сашка съезжать и не думает... и что теперь делать? Брать командировочного к себе? Исключено! Вот только не хватало, чтобы пришлые топтали ее ковры и ходили справлять нужду в ее туалет! А Зубов еще такие деньжищи заплатил... с такими деньжищами никак невозможно расстаться. Вынул из кармана и сунул, не глядя – немелочный человек. Есть еще вариант взять на три дня Сашку к себе, но вдруг ей здесь понравится? И не выгонишь потом.

– На террасе есть отличный диван...

– Но уже холодно, – перебила Сашенька, не веря своим ушам.

– Оденься потеплее, – Галина Аркадьевна поджала губы и хлопнула ладонью по столу. – Не надо из-за ерунды делать трагедию.

Ах, как же хочется, чтобы племянница исчезла из ее жизни раз и навсегда, чтобы весь дом принадлежал только ей – Галине Аркадьевне Аксеновой! Она уж и так и сяк назло девчонке делает, а той хоть бы что – цветет и улыбается. Особенно последнее время улыбается!

Сашенька вскочила с табуретки так, что та гроыхнула, клетчатая подушечка полетела на пол. Тетка не права, тысячу раз не права и в этом не может быть никаких сомнений! Почему она должна мерзнуть в продуваемой всеми ветрами террасе, когда у нее есть собственная комната с дорогими сердцу вещами?!

Почему командировочного нельзя было устроить на половине Галины Аркадьевны?

«Почему мое мнение ничего не значит, почему я у себя дома всегда, как в гостях? Почему, почему, почему?»

Посмотрев на тетю, Сашенька еле сдержала слезы. Не любит ее Галина Аркадьевна, совсем не любит и никогда между ними не будет теплых родственных чувств. И все – самообман. И больше так жить нельзя!

«Пашка... у меня есть Пашка, – схватилась за соломинку Сашенька, чувствуя обиду и надежду одновременно. – Я ему очень нужна, на всю жизнь нужна! А отсюда я уйду... Вот возьму и уйду. Прямо сейчас.»

Не говоря ни слова, она развернулась и вышла из кухни. Сейчас она позвонит Пашке, договорится о встрече и все ему объяснит. А он поймет, обязательно поймет, поддержит и поможет. Потому что они любят друг друга, потому что они должны быть вместе. Всегда вместе.

Глава 3

Не слишком-то сказочный принц

Кольцо с бриллиантами из красного золота. Кольцо из золота 585-й пробы с жемчугом. Кольцо из золота 750-й пробы с бриллиантом и сапфиром. Кольцо из платины...

Сергей пробежался взглядом по сияющим украшениям и ткнул пальцем в стекло витрины.

– Девушка, пожалуйста, покажите это кольцо, – попросил он, обращаясь к приятной молоденькой продавщице. – Скажите, если размер не подойдет, его можно будет увеличить или уменьшить?

– Да, конечно, – кивнула девушка и положила перед Сергеем черную бархатную подушечку.

Он ничего не понимал в подобных побрякушках, а походы по ювелирным магазинам его всегда напрягали. Денег не жалко, но суета вокруг по сути бестолковых бирюлек ужасно раздражает.

«Тебе это нравится? А это нравится? А это?».

«Нравится. Бери и пошли отсюда!».

Но сейчас ему необходимо купить красивое кольцо. Красивое и строгое одновременно. Дорогое. С приличным бриллиантом.

– Годится, – сказал Сергей и полез в портмоне за пластиковой карточкой.

«Неужели я собираюсь жениться? – усмехнулся он про себя. – Не может такого быть...»

Отношения с женщинами для Сергея Ермакова никогда не носили серьезный затяжной характер. И никогда ранее он не задумывался о браке. Встречи, расставания, вновь встречи и вновь расставания – сердце всегда свободно, душа всегда холодна. Нет, он увлекался, болел страстью, совершал немислимые поступки, был то ласков, то резок, то равнодушен, то внимателен, но эти связи никогда не являлись настоящими и прочными. Всегда кто-то рядом, но это всего лишь «кто-то».

Женщины часто сами искали с ним знакомства, делали первый шаг, предлагали номер телефона, улыбались. К такому вниманию он относился снисходительно и при случае пользовался и наивными, и расчетливыми, и знойными, и самовлюбленными натурами. Иногда сам расставлял сети – заманивал, затягивал, иногда одерживал быстрые победы, иногда просто плыл по течению. Обыкновенная игра желаний, которая к тридцати двум годам стала вполне привычной. ЗАГС, клятвы верности, штамп в паспорте – это вызывало лишь недоумение и насмешку.

Полтора года назад он познакомился с Никой Сотниковой – некогда успешной моделью и ныне не менее успешным редактором журнала «Кисс». Познакомился и, точно в зеркале, увидел в ней отражение себя самого (такая же небрежность в отношениях, такой же упор на любимую работу, такая же независимость во всем). Потом, правда, у них обнаружили и различия во взглядах, но это уже не имело никакого значения – они стали звеньями одной цепи. Он не спрашивал, с кем она провела прошлый вечер, она не спрашивала, кто та брюнетка, с которой его видели на банкете в клубе «Графит» (земля слухами полнится...). Она знала, что всегда может рассчитывать на его помощь, а он знал, что ей можно доверять и ни один разговор «по делу» не станет завтра достоянием общественности.

Сергей все чаще и чаще набирал номер телефона Ники и однажды задумался о будущем... Хорошо лежать рядом с ней в тишине, вдыхать ментоловый дым ее сигарет и думать о чем-то своем. Хорошо пить утром кофе, обсуждая планы на предстоящий день. Хорошо проводить вместе отпуск, хорошо отправляться вдвоем на частную вечеринку к общим знакомым. Хо-ро-шо.

А к черту холостую жизнь... Вряд ли он когда-нибудь встретит женщину, с которой ему будет так же комфортно, как с Никой. Вряд ли...

Расплатившись, Сергей вышел из магазина и направился к машине. Сегодня вечером она улетает в Париж на показ мод, и ужина в ресторане с чередой помпезных слов не получится. Оно и к лучшему, все равно он не сможет произнести цветистую речь, нафаршированную банальностями, да и Ника не склонна к приторной романтике. Так к чему нужна эта ерунда?

«Давай поженимся».

«Давай».

Просто и по-честному. Ну, он готов еще добавить что любит, готов прижать ее к себе и... Сергей улыбнулся и сел за руль. Рычание мотора и темно-синяя «Тойота» резко сорвалась с места.

Ника всегда вставала рано, делала короткий комплекс упражнений хатха-йоги, принимала душ, завтракала фруктовым салатом или хлопьями с молоком и либо

работала дома за ноутбуком, либо устремлялась в офис редакции. Сергей не сомневался, что застанет ее дома, так как на дворе суббота и на часах еще только десять. Полдня будет принадлежать им, а потом он отвезет Нику в аэропорт и она улетит в Париж. Короткий плащ, маленький чемоданчик, сумочка через плечо, аромат духов и... кольцо с бриллиантом на пальце. Его кольцо.

– О! Привет! – распахнув дверь, воскликнула Ника. Схватила Сергея за локоть и втащила в коридор. Тут же обвила его шею руками, тряхнула головой и, сощурившись, протянула: – чего в такую рань? Соскучился?

– Соскучился, – усмехнулся он, скользя рукой по шелку короткого розового халатика. – Ты долго не открывала, я уже на мобильник собрался звонить.

– Мылась, – она дернула плечом, и холодные капли воды упали с ее мокрых медных волос на рукав его рубашки.

Пиджак Сергей оставил в машине и теперь испытывал особое удовольствие от близости ее тела, так крепко прижатого к его груди. Между ними всего лишь тонкая ткань рубашки и халатика... Ника, Ника, Ника... Красивая, прохладная, терпкая, самоуверенная, умная Ника. А ведь он и правда соскучился. Отговорить бы ее от поездки в Париж... но ей нужно готовить статью о каком-то модельере... Неделю, ее не будет неделю.

– Ты как раз к завтраку, – она шутливо оттолкнула его, прислонилась спиной к противоположной стене и выставила правую ногу чуть вперед. – Но предупреждаю, ничего, кроме фруктов, у меня нет.

– Переживу как-нибудь, – улыбнулся в ответ Сергей, скользя взглядом сверху вниз.

Пока Ника крутилась около стола, нарезая кубиками груши и яблоки, он сидел в глубоком кресле и неотрывно следил за ее неторопливыми движениями. На этой просторной кухне, обставленной яркой мебелью в стиле «модерн», она казалась меньше ростом, не такой деловой и моложе своих лет. Выглядела она всегда отлично, как и положено девушке, некогда вышагивающей по подиуму, но в строгом приталенном костюме она была иной – бизнес-леди, а тут домашняя...

- Ты на меня не готовь, - ровно произнес он, переводя взгляд на холодильник. Все же надо было купить шампанское...

- Да знаю я, что ты не ешь такое, - Ника махнула рукой и, оторвав от ветки почти черную виноградину, положила ее в рот. - Тебе бы бифштекс или жареного цыпленка, - она засмеялась и направилась к раковине.

Сергей подавил желание встать и подойти к ней.

- Пойдем в ресторан, когда ты вернешься...

- Приглашаешь?

- Да.

- Обязательно пойдем, - она вдруг стала серьезной, - я хочу потребовать повышение и твои советы будут очень кстати.

В этом вся Ника. «Потребовать повышение». Не попросить, а именно потребовать. Молодец.

- Мы можем обсудить это сейчас.

- Нет, лучше потом, когда вернусь.

После завтрака они переместились в одну из комнат. Разбросанные по полу и дивану журналы и книги говорили о том, что Ника сейчас усиленно готовится к поездке - на обложках фрагменты показа мод, да и заголовки говорят сами за себя. Сергею нравилось ее отношение к работе, он и сам временами так же вспыхивал идеями и планами. Они очень похожи. Очень.

Ника переделалась в джинсы и вязаный топик, расчесала длинные волосы и удобно устроилась за письменным столом. Вздохнув по поводу еще не собранного чемодана, она потянулась и посмотрела на Сергея.

- Ты отвезешь меня в аэропорт?

– Конечно.

– Так хорошо, что ты приехал, мы не виделись целую вечность.

– Вчера виделись и позавчера, – Сергей подошел к ней и прислонился боком к краю столешницы.

– Надо же, – она усмехнулась.

Прислушиваясь к тиканью часов, Сергей на миг замер. И как делают эти предложения?.. И зачем тянуть время в ожидании особо подходящего момента?.. Куда уж подходящей.

– Если ты захочешь, – он взял ее руку в свою, – мы будем вместе... всегда вместе.

Выражение лица Ники несколько изменилось – брови удивленно приподнялись, а губы сжались. Тон его голоса показался странным и смысл слов не сразу дошел до сознания.

О чем он? О чем?

– Как это – всегда вместе?

– Давай поженимся. Я серьезно.

В комнате воцарилась тишина. Он пристально смотрел на нее, пытаясь понять, какие мысли сейчас бродят в ее голове. Она смотрела на него, оценивая услышанное.

– Раньше я о браке не задумывался, впрочем, ты и сама знаешь как я к этому всегда относился, – продолжил Сергей, – но ты... ты – та женщина с которой я хочу прожить всю жизнь, – он помолчал и добавил: – Ты выйдешь за меня замуж?

Ника поднялась с кресла, неуверенно улыбнулась, а затем тихо спросила:

– Я не поняла... ты... шутишь?

- Нет, не шучу.

Встретившись взглядом с Сергеем, она прочитала в его глазах решимость и твердость, покачала головой, пожала плечами и... засмеялась. Сначала тихо, а затем все громче и громче. Буквально сложившись пополам, она сделала несколько шагов к плюшевому дивану и рухнула на мягкие клетчатые подушки.

- Ой, не могу... ну ты даешь... замуж... - Ника села и, продолжая веселиться, взяла с подлокотника пачку сигарет и торопливо закурила, отгоняя рукой от лица дым. - Серега, ты что? С ума сошел?

Ермаков не ждал такой реакции - это уж точно. Да, Ника могла отложить ответ, отказать, в конце концов, но смех... столь искренний смех с нотками недоумения? Почему?

- А что тебя так веселит и изумляет? - холодно спросил он, щурясь.

- О, я объясню тебе! Брак для девушки - это отличный шанс попасть в «десятку». Это счастливый билет до остановки под названием «Успех и деньги». Это... - Ника подняла глаза к потолку и вздохнула. - И дурой будет та девушка, которая разменяет данный билет на какую-нибудь ерунду или не доедет до пункта назначения и выйдет на другой остановке. Например, на остановке «Любовь и четверо детей в придачу». Ты казался мне всегда таким разумным человеком, который понимает столь очевидные вещи!

- Оказалось, не понимаю, - Сергей сжал пальцы в кулак и тяжело посмотрел на Нику. Она всегда была расчетлива, но он не думал, что до такой степени... Или... она постепенно становилась такой, а он и не замечал? Сначала она была манекенщицей, потом ей это надоело и она увлеклась журналистикой, а потом кто-то из знакомых устроил ее редактором в «Кисс». Ника всегда умело совмещала одно с другим и всегда четко знала чего хочет. А вот ему, как оказалось, были известны не все ее желания и устремления...

- Да не сердись ты на меня, - она вновь засмеялась, поднося к тонким губам сигарету. - Кто же знал что тебя так переклинит! Ну же, не злись! Просто подумай, о чем я тебе говорю. Попытайся меня понять. Я права, тысячу раз права! Надеюсь, ты не купил мне кольцо? - Ника кокетливо сморщила носик и выдала милую улыбку.

– Нет, – соврал Сергей.

– Это хорошо, хотя и жалко, – легко бросила она, поднимаясь с дивана. – Ну, давай без обид, ладно? Ты – супер-мужчина, и я сама себе завидую, когда ты рядом, но если мы поженимся... то... то с моей стороны это будет глупый и дурацкий поступок. Да, ты отлично зарабатываешь, у тебя машина, квартира, но есть мужчины, которые зарабатывают намного больше. И главное – они не тратят деньги направо и налево, не думая о завтрашнем дне. Они преумножают свой капитал. – Ника положила руки на плечи Сергею и добавила: – и я хочу выйти замуж именно за такого человека, и для этого я занимаюсь собой, завожу нужные знакомства и не купаюсь в коротких лучах сентиментальности. И тебе советую поступать так же. То есть найди себе какую-нибудь молоденькую дуручку, у которой папа, нефтяной магнат, и женись на ней.

Она потянулась к губам Сергея, но он отстранился.

– Пожалуй, я так и сделаю, – ответил он. В его словах сквозила усмешка. – Как только мне встретится дочка нефтяного магната – я тут же потащу ее к алтарю. Спасибо за совет.

– Я не хотела тебя обижать... – Ника потушила сигарету в стеклянной пепельнице и скрестила руки на груди. – Из уважения к нашим отношениям и чтобы больше не было таких неловких ситуаций – я сказала тебе правду. – Она начала сердиться и раздражаться. – Думаешь, мне нравится работать до ночи, таскаться по бесконечным тусовкам, устранять конкурентов, выстраивать карьеру по кирпичику? Это мой задел на будущее! Возможно, ты меня не правильно понял. Мне не нужны деньги ради денег, бриллианты и отдельно взятые яхты. Я не хочу быть просто куклой среди роскоши. Я хочу особую жизнь, в которой буду успешна и значима! А муж – это лишь дорога, которая приведет меня к цели.

– Не волнуйся, я тебя правильно понял.

Сергей злился, по-настоящему злился – не только на Нику, но и на себя. Дурак, дурак... Дурак! Хорошо ума хватило кольцо сразу не достать, а то вообще бы выглядел полным идиотом! «Давай поженимся...». Ч-ч-черт!

Кивнув, он направился к двери.

– Подожди... – попыталась остановить его Ника. – Да не относись ты к этому так серьезно!

– А я и не отношусь, – он сунул ноги в ботинки, обернулся, криво улыбнулся и вышел из квартиры, плотно закрыв за собой дверь. – «А я и не отношусь», – повторил Сергей уже про себя, быстро спускаясь по ступенькам на первый этаж.

Только вот сердце ныло и в висках стучали болезненные молоточки. Будь ему сейчас лет шестнадцать, он бы поддал ногой урну, да так, чтобы она гремела метров десять, выплевывая в разные стороны мусор! Но ему тридцать два и, похоже, его злость останется при нем.

В машине Сергей просидел минуты две неподвижно, затем завел мотор. Только сейчас он вспомнил, что обещал отвезти Нику в аэропорт, но возвращаться не стал – придется ей вызвать такси. Через неделю они, наверняка, увидятся и, конечно, сделают вид, будто ничего и не было – их отношения вряд ли сильно изменятся в ту или иную сторону. Да, через неделю. Она вернется из Парижа отдохнувшая, довольная и на ее пальце не будет кольца... Его кольца.

Вдавлив педаль газа в пол, Сергей сжал руль – досада и злость не отпускали. Он выехал со двора и помчался в сторону центра. Светофоры мигали то зеленым, то красным, то желтым, и он заставлял себя тормозить, когда этого требовали правила. Заставлял себя сбавлять скорость и прогонял мысли прочь.

Пролетев по Садовому Кольцу, он свернул к набережной Москвы-реки. Остановил машину около дорожки пожелтевших кленов, хлопнул дверцей, вдохнул влажный воздух и подошел к ограждению. Мутная вода беспокойно рябила, вспыхивая то тут, то там молочными бликами.

Сергей вынул из кармана брюк бархатную коробочку, открыл ее, задержал взгляд на кольце – бриллиант отчего-то показался тусклым, хотя солнце светило ярко, закрыл ее и со всего размаха бросил как можно дальше в реку.

Бульк! И все.

Он немного посмотрел на дублирующие друг друга круги и вернулся в машину, включил музыку и вновь рванул с места...

На этот раз Сергей покидал город, он гнал вперед, превышая допустимую скорость, остро желая побыть в одиночестве – подальше от Москвы, там, где никто не полезет в душу и где он сможет разобраться в себе.

«Давай поженимся...».

«Я не поняла... ты... шутишь?»

Глава 4

И что теперь делать?

Владимирская область

– Извини, что я так рано. Сегодня суббота, ты, наверное, хотел выспаться...

Сашенька сделала большой глоток обжигающего чая и тяжело вздохнула.

– Тетка? – понимающе спросил Пашка, вынимая из шкафчика пачку печенья «Юбилейное».

– Угу.

– Сколько я тебе раз говорил – будь с ней построже. Ты имеешь право приходить домой во сколько считаешь нужным, и пусть она...

– Не в этом дело, – перебила Сашенька. – Когда я вчера пришла, она уже спала... но... м-м-м...

Пашка нахмурился, откусил печенье и поторопился:

- Давай, рассказывай.

И Сашенька рассказала. Как вернулась после кино, как подошла к своей комнате, как услышала храп, как не поверила собственным глазам и как просидела всю ночь на стуле. И объяснения Галины Аркадьевны тоже изложила правдиво и подробно.

- ...она ко мне относится, как будто я... но это же моя комната!

- Это твоя половина дома, - поправил Пашка. - Ну почему ты меня никогда не слушаешь!

- Я слушаю!

- Нет, не слушаешь!

Сашенька, понимая, что Пашка во многом прав и что сейчас ей вовсе не хочется ссориться еще и с ним, поставила чашку на клеенчатую скатерть, опустила голову и опять вздохнула.

- Я больше не могу там жить, - она хлюпнула носом и сцепила пальцы. - Противно... Мужика этого командировочного я из своей комнаты не выгоню, а на террасе спать холодно. Сколько он пробудет? Два дня? Три? Пять? Мало ли как...

- Тогда скажи, чтобы твоя разлюбезная Галина Аркадьевна пустила тебя к себе, а то совсем уже обнаглела - кладет твои деньги в свой карман и считает, будто так и надо!

- Я к ней не пойду...

- А где ты собираешься жить? - откинув со лба светлую челку, с недоумением спросил Пашка.

Сашенька подняла на него глаза, пожала плечами и робко улыбнулась, и до него медленно, но верно стало доходить, куда она клонит...

- Ты самый дорогой человек в моей жизни... - пробормотала она и замолчала.

Тут же потеряв аппетит, Пашка встал и заходил по кухне от окна к двери. Влип. Глупо влип. Она ему, конечно, нравится и даже очень, но он не дурак, чтобы попадаться на удочку. Если он ее пустит пожить к себе хотя бы на несколько дней (пока не свалит этот хренов командировочный), то – прощай, свобода. Возвращаться к тетке она не захочет. А жениться он собирался уж никак не в двадцать восемь лет! Там, где идет разговор о гражданском браке, там и до ЗАГСа полкилометра. Плавали, знаем... Хотя, если она останется у него ночевать, то он наконец-то... Не, обойдется он как-нибудь... Перетерпит.

Тетка у нее вообще прибабахнутая, и Сашке с ней никогда не справиться, а ему вот больше делать нечего как дом их делить...

И на улицу – то ее не выставишь... Раньше, раньше ему надо было головой думать, а то связался с котенком, а таких не бросают, таких как раз в дом несут – холят, лелеют и... любят. А он не любит. Не успел еще заболеть, слава богу. Знал, знал, что потом будут с ней проблемы, и все равно распустил павлиний хвост! Идиот!

– Саша, я знаю, что мои слова совершенно не кстати, – начал Павел, возвращаясь на табурет, – но лучше я скажу тебе все сейчас, чем потом. – Он побарабанил пальцами по столу и отвел глаза в сторону. – Ты же сама видишь, что у нас с тобой... ничего не получается. Не ладится как-то... Мне сначала казалось... а теперь не кажется... понимаешь?

– Нет, – мотнула головой Сашенька.

– Как друг я тебе во многом готов помочь, но наши отношения... Прости, но я не думаю, что нам стоит и дальше встречаться.

Выпалив это, Паша почувствовал невероятное облегчение. Теперь-то уж что дергаться – сказал и сказал. Главное сделано. Он поступает честно. Во-первых – ничего не обещал, во-вторых, ну нет у него в душе того волнения, на которое она рассчитывает. Говорил ли он ей о любви? Фиг его знает! Если не помнит, значит, и не было этого.

– Ты со мной расстаешься?... Я тебе не нужна? – тихо спросила Сашенька, чувствуя, как краснеют щеки и как подкатывает к горлу ком. Может, она не

правильно поняла Пашку? Своего Пашку...

- Ну почему сразу - не нужна... я же говорю, как друг я буду рад тебе помочь. Давай подумаем, где ты можешь переждать три-четыре дня... Я могу одолжить тебе денег, устроишься в гостинице... Дороговато, но на несколько дней...

Встретившись с ней взглядом, он осекся.

- Паша, как же так?..

Ну все, сейчас начнутся слезы... Пора закругляться.

- Я тебе ничего не обещал, и давай не будем расставаться вот так - со скандалом.

Но у Сашеньки на скандал уже не было никаких душевных сил. Она медленно встала и так же медленно поплелась к двери. О таком она читала в романах, о таком она слышала от подруг, о таком смотрела кино, о таком она никогда не задумывалась по отношению к себе. Разве так бывает? Ведь еще вчера... В миг она все поняла - он испугался, испугался и она действительно ему совершенно не нужна! Вернее нужна, но похоже, только для одного...

- Апчхи! - громко чихнула Сашенька и, всхлипнув, выскочила из квартиры.

* * *

К обеду настроение дошло до критической точки. Нарыдавшись, Саша устроилась на террасе и вспоминала последние четыре месяца.

Пашка... ее Пашка... Они ходили в кино, кафешки, просто гуляли по улицам... Было же хорошо.

- Было... - выдохнула Сашенька, сжимая пальцами узкий деревянный подоконник.

За окном моросил дождь и капли воды рисовали на стекле однообразный узор – тонюсенькие полосочки наискосок.

Теперь она одна, совсем одна...

– Теперь я одна, совсем одна...

Уйти бы отсюда, куда глаза глядят. Подальше от Галины Аркадьевны, Светки и... Пашки. Далеко-далеко: за глубокие моря, за дремучие леса, за высокие горы. Забыть обо всем и начать жизнь заново. Самостоятельно.

Что здесь осталось?

Она обернулась и посмотрела на дверь, ведущую в коридор и к комнатам. Командировочный, пожилая дама, мечтающая наладить личную жизнь, семейная пара с крикливым попугаем в нагрузку – постояльцы. Ни одного близкого человека.

Сашенька вновь глянула в окно, вспомнила, что утром не вынула из почтового ящика газету и торопливо выскочила на улицу. Ящик у них хоть и новый, но дождь все равно проберется куда не следует и намочит тонкую бумагу.

Вернувшись, она села на скрипучий покосившейся стул, поджала ноги, отложила газету в сторону и пролистала рекламный журнал. Последние страницы пестрели предложениями о работе и обещаниями, от которых в душе затеплилась надежда. Требуются, требуются, требуются... Где? Во Владимире, в Кольчугине, в Суздале, в Москве...

«Принимаем на работу выпускников и молодых специалистов. Стартовая заработная плата – 15 тысяч рублей. Требования к кандидатам – минимальные. Работа в офисах Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Ярославля.

Более подробную информацию о компании, вакансиях и требованиях к кандидатам вы можете получить по адресу: г. Москва, Вишняковский переулок, дом...

Профессиональное обучение и карьерный рост гарантируем!»

Это объявление Сашенька перечитала несколько раз. Расплывчато, но так заманчиво... Она уедет далеко, как и мечтала несколько минут назад, вырвет из сердца Пашку, наконец-то лишится «теплой опеки» Галины Аркадьевны, чему-нибудь научится, познакомится с хорошими людьми.

И зарплату предлагают просто огромную! На такую и комнату можно снять, и жить целый месяц вполне прилично. А она же готова много работать, будет стараться изо всех сил – с утра до ночи, и, кто знает, возможно, со временем действительно получит хорошую должность. И тогда Пашка поймет!..

Опять Пашка...

Ну, почему так...

Сашенька положила журнал на колени и нахмурилась. У нее есть обязательства перед мальчиком Колей, его мамой-манекенщицей и папой-бизнесменом, но с весны она всегда слышала только одно: «ты мне надоела», «мы тебя уволим», «да нельзя же быть такой нерасторопной», так что – все к лучшему. Родители Коли найдут другую гувернантку и вряд ли будут сожалеть о прежней.

Значит, она поедет в Москву.

Сейчас вот соберется и поедет.

Да, а почему бы и нет...

А если не возьмут на работу?

Ничего страшного, она всегда может вернуться обратно. Если все время сидеть на одном месте, то и жизнь пройдет мимо и не узнаешь, как оно там – за глубокими морями, за дремучими лесами, за высокими горами. И любовь к Пашке пройдет... ничего же не будет о нем напоминать... Пройдет боль и любовь. Пройдет.

Сашенька прижала к груди журнал, вскочила со стула и решительным шагом направилась в свою комнату. Командировочный громко и протяжно пел на кухне: «тройка мчится, тройка скачет, вьется пыль из-под копыт...» и помешать сборам

никак не мог.

Спешно сложив в сумку вещи, которые показались необходимыми, Саша застегнула молнию, огляделась, перечеркнула страх, проигнорировала сомнения и вернулась на террасу.

У нее есть немного денег – на первое время хватит, потом-то она уже зарабатывать начнет... или вернется обратно... Не надо думать о плохом! Не надо! Все получится! Сашенька кивнула своим мыслям.

Еще остался один нерешенный вопрос – где жить в Москве? Не на вокзале же. Гостиницы – удовольствие слишком дорогое, на комнату денег тоже не хватит... А если обратиться за помощью к Элеоноре Борисовне? Маминой лучшей подруге. Она приезжала на похороны, звала в гости и даже в прошлом году поздравляла с днем рождения, а еще говорила – «если тебе что-нибудь понадобится, обязательно звони». Сердце Сашеньки задрожало от волнения. Нет, она не будет злоупотреблять гостеприимством, как встанет на ноги, сразу же подыщет себе жилье. У Элеоноры Борисовны семья: муж – ученый, сын – студент и собака... кажется, доберман – зачем же людям мешать?

А если Пашка поймет, что ошибался?

Опять Пашка...

Все уже решено и нечего метаться! Она позвонит родителям Коли, попрощается с Галиной Аркадьевной и Светой, скажет им, что просто уезжает в гости к Элеоноре Борисовне, узнает расписание автобусов, отправляющихся в Москву, и начнет новую жизнь. Самостоятельную.

– Ой, забыла! – Сашенька торопливо поставила сумку на пол и бросилась обратно в свою комнату. Она редко пользовалась мобильным телефоном, подаренным Светой на прошлый Новый год («на возьми, мне эта модель уже надоела»), но сейчас он мог здорово пригодиться. В чужой город лучше ехать во всеоружии. – А Пашку я забуду, – бурчала под нос Сашенька, выдвигая ящик письменного стола, – и с мужчинами больше никогда встречаться не стану. Не нужны они мне.

* * *

Мысленно Галина Аркадьевна потирала ручки – ее племянница уезжает (жаль, если ненадолго). Скатертью дорога, милая.

– Да кому ты нужна в этой Москве, – фыркнула Света, лениво щелкая пультом телевизора.

– Я же говорю, – Сашенька скрестила за спиной пальцы, – меня Элеонора Борисовна пригласила. На месяц... Я уже вещи собрала и зашла попрощаться.

– Конечно, поезжай, – приторно улыбнулась Галина Аркадьевна. – Город посмотришь, отдохнешь. Родителям Коли я все объясню...

– Я им уже позвонила...

– Вот и хорошо. А комнату твою я пока буду сдавать, зачем же деньгам зазря пропадать, – глазки Галины Аркадьевны воровато забегали. Что бы еще такое девчонке сказать, чтобы обратно не торопилась... – А Григорий Лукич как раз решил подзадержаться у нас... все дела торговые. Света, бери с него пример – учился человек и теперь место хорошее занимает.

«Мою комнату он занимает», – про себя рассердилась Сашенька.

– Ма, ну чего ты опять пристаешь? Я только-только академию закончила! Имею я право на отдых или нет?

– Имеешь, имеешь...

– До свидания, – выдохнула Сашенька, желая как можно скорее оказаться подальше и от тети, и от двоюродной сестрицы. – Пойду я, а то на автобус опоздаю.

Галина Аркадьевна кивнула и выдала еще одну приторную улыбку. Душа аж подпрыгнула от пузырящегося восторга – наконец-то, наконец-то! В голове кнопками защелкал калькулятор, подсчитывая вероятный доход, на который можно рассчитывать, сдавая еще одну комнату. Неплохо, очень даже неплохо...

Как только Сашенька вышла за дверь, Галина Аркадьевна тут же прилипла к окну. Выражение ее лица выдавало все тайные мысли и желания, а взгляд настойчиво подталкивал племянницу в спину. Доброго пути – пиши, звони, всегда рады встретить, будем скучать... Ага!

Глава 5

Дороги пересекаются... в лесу

Владимирская область

– А ну посторонись, девицы-красавицы!

Сашенька повернула голову и увидела в проходе смешного мужичка. Из-за плеч у него торчал рюкзак болотного цвета, а в руках он держал по ведру с гладиолусами. Цветы были бережно обмотаны пожелтевшей от времени марлей, но яркие краски лепестков все равно пробивались сквозь мелкую сеточку. Сам он был похож на лесовичка – невысокий, лохматый, с рыжей бородой и торчащими в сторону усами. Черные резиновые сапоги поскрипывали при каждом его шаге.

– Где тут местечко свободное есть?! – бодро крикнул он, шагая вперед и при этом цепляя рюкзаком высокие спинки кресел.

Свободных мест было предостаточно – Сашеньке показалось, что «лесовичок» выбирает с кем бы ему сесть, с кем провести долгие часы до Москвы.

– А иди к нам, соколик! – хохотнули две бабульки, похожие одна на другую, как две капли воды.

– Ну вас, – засмеялся мужичок, – вы меня плохому научите! Ишь как глаза горят!

Старушенции, абсолютно довольные полученным ответом, выдали новый взрыв хохота, а Сашенька отвернулась к окошку, борясь с душевным волнением. Куда

она едет? Зачем? Взяла вдруг собралась и отправилась в путь... А Пашка ничего и не знает... и с Элеонорой Борисовной она толком не договорилась. Позвонила, представилась, та ее узнала, даже обрадовалась, но как только дело дошло до главной части разговора, на линии образовались какие-то помехи. Элеонора Борисовна кричала в трубку: «что, что, ничего не слышно, повтори...» и просила перезвонить. Сашенька набирала номер еще три раза, но никто не ответил. Так что теперь она едет в чужой город, можно сказать, сюрпризом.

- А здесь местечко свободное?

- Да, - ответила Саша, понимая, что теперь переживать и мучиться сомнениями она не сможет - шумный попутчик избавит ее от всех душевных терзаний. Улыбнувшись, она добавила: - цветов у вас так много...

- Сам выращиваю, - похвалился «лесовичок», пристраивая ведра в проходе. - Гладиолусы - это же поэзия! Одни названия чего стоят: «Зеленый Лед», «Перо Павлина», «Курортный роман», «Волшебная Свирель». А? Каково? Понимать же надо!

Он плюхнулся в кресло и пригладил короткую бородку. Сашенька изумилась цвету его глаз - цвет лесного ореха. Точно лесовичок!

- Ага, красиво, - согласилась она и второй раз за последние часы улыбнулась.

- Зовут меня - Федор Иванович Веревкин, - представился он, - а ты кто такая будешь?

- Александра.

- Хорошее имя. Правильное.

Половина пути пролетела действительно незаметно. Федор Иванович то рассказывал, как выращивать гладиолусы, то цеплялся к сидящим неподалеку великовозрастным барышням, то подбадривал водителя, то задавал вопросы. Он лучился простым здоровым оптимизмом, и Сашеньке даже захотелось придвинуться к нему поближе или положить голову на его плечо.

– А ты к кому едешь?

– К маминной подруге. Она уже давно в Москве живет – лет двадцать пять. Учиться отправилась и замуж вышла.

– Да, такое частенько случается. Знаешь что, ты как сможешь, заходи ко мне в гости, – Федор Иванович полез в карман потертого коричневого пиджака, достал карандаш, замусоленный блокнот на пружинках и, высунув кончик языка, старательно вывел свой адрес. Вырвал листок и, протянув его, добавил: – я один живу, супруги-то от меня сбежали... Главное, я виноватым не был, природа – зараза такая, подкачала!

При чем здесь природа, Сашенька не поняла, но бумажку взяла, сложила ее пополам и пожала плечами. Вряд ли она когда-нибудь отправится в гости к этому милому «лесовичку», но он так искренне пригласил, что отказать сейчас было бы некрасиво.

– А нас чего в гости не зовешь? – пропела одна из бабулек. – Мы б с пирогами пришли!

– Обойдетесь, – добродушно ответил Федор Иванович.

И тут автобус повело вправо, а затем влево, он несколько раз дернулся, издал рычащий и чихающий звуки и резко остановился.

– Ой! – взвизгнули старушки, и по рядам кресел пролетели возгласы недоумения и возмущения.

– На кой так тормозить-то! – крикнул белобрысый парень, махнув кепкой.

– Безобразие! Безобразие! – заверещала тощая, похожая на куклу Барби, девица.

Федор Иванович бросился на вырубку к гладиолусам.

– Все! Приехали! – рассерженно гаркнул водитель.

Десять минут пассажиры дружно надеялись на то, что автобус каким-нибудь невероятным образом починится. Потом еще десять минут куксились и ворчали, потом опять ждали и надеялись, потом бухтели и ругались.

– Значит, так, – облокотившись на спинку одного из кресел, начал свою речь взмыленный водитель, – колымага дальше не поедет – кирдык ей пришел. Кто не слишком торопится, может ждать подмоги. Вызов я уже сделал, так что шансы добраться до Москвы часа через три есть. Пока прикатят, пока то, пока се... Ну, а кому невмоготу – выходите на дорогу и голосуйте, народ у нас отзывчивый, авось кто и подвезет... тысячи за полторы или две.

– Как это автобус дальше не поедет?! – запищала «Барби». – Торчат здесь три часа... да вы с ума сошли! Тут осталось-то всего километров сто! Немедленно почините свою развалюху! – Натолкнувшись на равнодушный взгляд водителя, она подскочила с кресла, схватила свою маленькую кожаную сумочку и, недовольно махая рукой, заспешила к выходу. – Да о чем с вами разговаривать! Все ясно! Я сейчас же поймаю тачку и уеду отсюда! Но учтите, если участником окажется какой-нибудь маньяк, я вас потом по судам затаскаю! Номер вашей колымаги, как вы изволили выразиться, я запомнила, так что...

Окончание угрозы разобрать не удалось – «Барби» спрыгнула со ступенек автобуса и исчезла из поля зрения.

– Да кто на тебя позарится – доска гладильная, – фыркнул водитель, вынимая из мятой пачки сигарету. – Жрать надо, тогда на человека будешь похожа, и маньяки, соответственно, начнут тобой интересоваться. Размечталась! Маньяка ей подавай.

Пассажиры, потеряв одного «бойца» и поняв всю бессмысленность дальнейших пререканий, выдали общий тяжелый вдох огорчения и волной хлынули на улицу.

Сашенька пребывала в состоянии растерянности. Ждать пару часов другой автобус, а потом потратить еще час-полтора на дорогу до Москвы? Но будет уже вечер, а нужно еще отыскать дом Элеоноры Борисовны, да и неловко как-то вваливаться к ней на ночь глядя... А если обещанная подмога задержится?.. Нет, надо добираться самостоятельно.

– Народ, кто со мной?! – крикнул белобрысый парень, накидывая на плечи спортивную ветровку. – Выйдет гораздо дешевле, если мы скооперируемся.

Пока Сашенька думала, что делать, первая партия пассажиров умчалась к городу на белоснежной «десятке».

– Александра! Поедем? – донесся голос Федора Ивановича.

Мысли от волнения запутались, растерянность сковала душу, и Саша, закусив губу, замотала головой. На двоих до Москвы – приблизительно по тысяче рублей... Может ли она себе это позволить, когда впереди сплошная неизвестность? Вряд ли.

Две бабульки-хохотушки, тут же вцепились в Федора Ивановича и потянули к дороге. Смех, взмах руки и – ш-ш-ш-ш – перед ними остановилась старенькая, потрепанная жизнью вишневая иномарка. Хозяин двух ведер с гладиолусами и бойкие старушенции полезли в салон машины. Вж-ж-жик – и еще одна машина унесла к городу пассажиров приболевшего автобуса. Только сейчас Сашенька сообразила, что могла бы быть четвертой и платить пришлось бы гораздо меньше, но теперь суетиться было поздно. Около дороги в стороне от нее кучно стояли четыре человека, и она в их компанию никак не вписывалась. Пятый в данном случае – лишний.

Через три минуты она осталась одна, хотя был еще водитель, который сидел на ступеньках автобуса и курил.

– Извините, – обратилась к нему Сашенька, – а подмога точно придет?

– Точно, – кивнул тот, почесав за ухом. – Не буду же я тут до утра куковать.

– Два часа надо подождать?

– А кто ж его знает!

– А что же мне делать...

– Отдыхай, – он потушил сигарету о подошву ботинка и устало потянулся. – Со всеми-то почему не поехала?

Сашенька пожала плечами. Надо было, наверное... Но она растерялась, не каждый же день она совершает такие путешествия, да и денег в обрез.

– Мне бы в Москву побыстрее...

– Так топай лесом, тут всего-то два километра. У меня дача вон за тем лесочком, я эти места хорошо знаю.

Вытянув шею, Саша посмотрела на полоску деревьев.

– Два километра... – пока не понимая о чем речь, тихо повторила она.

– Ну да, – вдруг оживился водитель. Он встал, снял кепку и указал на дорогу. – Перейдешь на ту сторону, тропинку видишь? Вот и иди по ней – никуда не сворачивай. Прямо, все время прямо! Места здесь хорошие, лес добрый – грибов и ягод навалом. Красота! – Он улыбнулся. – У меня раньше своих колес не было, так я только электричкой и мотался туда-сюда. Доберешься до перрона, купишь билет – и будет тебе Москва за копейки. Поняла?

Электричка! Всего два километра по прямой!

– Ага, спасибо, – горячо поблагодарила Сашенька, мгновенно поднимая с земли сумку. – Значит, дорогу перейти и по тропинке?

– Ну, да. Главное – топай прямо.

– Спасибо! – она кивнула и с надеждой посмотрела на цепочку берез и на островки высоких порыжевших кустарников. Не зря говорят, что выход из затруднительного положения всегда можно найти.

«Это знак, – подумала Сашенька, – у меня все получится».

* * *

Осень Сашенька любила особенно. И за сочность красок, и за царственное величие, и за невесомую тишину, и даже за слякоть. Прогулка по желто-зеленому лесу ожидалась легкой, приятной, нужной – хороший повод успокоиться, продумать свои дальнейшие действия и... научиться не вспоминать Пашку. Вот она идет по сухой тропинке, перешагивает корни деревьев, похожие на толстые веревки, и совершенно не вспоминает о нем. Ни капельки!

«Интересно, он скучает?..»

Чем чаще она «не вспоминала» о Пашке, тем сильнее злилась. Раньше такого не было, но, видимо, тупая боль уже не могла флегматично сидеть на месте – она нарезала круги по душе, шаркая ножками.

«Если у нас не ладилось, как он сказал, то зачем же тогда меня к себе... ну, звал?»

Вопросов становилось все больше и больше, но ответы отчего-то на них не требовались. Она ругала Пашку, оправдывала, пыталась найти минусы в себе, вновь сердилась на него и шагала вперед. Теперь уверенность в том, что она приняла правильное решение (уехать, уехать, уехать), окрепла, и хотя бы от этого было хорошо.

Стоп...

Сашенька споткнулась о торчащий из земли гладкий камень и с изумлением уставилась на тропинку.

Развилка.

Но как же так?

Водитель автобуса уверял, что надо все время идти прямо, а тут... одна дорожка уходит налево, а другая – направо. Не под большим углом, но все же расходятся в разные стороны.

– И куда теперь? – Сашенька оглянулась. Не вернуться ли? Но она уже столько прошла... Километр точно. И скоро начнет темнеть.

Нет, надо идти дальше.

Но куда?

Она шагнула в траву, наклонила голову на бок и попыталась понять, какая дорожка более прямая, но после пятиминутных исследований пришлось признать, что занятие это бессмысленное – метров через десять обе решительно расходились в разные стороны.

А все казалось таким простым...

Нужно просто выбрать и надеяться на удачу.

«Дороги всегда куда-нибудь ведут... к населенному пункту или станции... – несколько утешила себя Сашенька. – А населенные пункты всегда недалеко от станции... значит, если я выйду к станции, то я молодец, а если к населенному пункту, то мне подскажут, где станция. Ох. Приблизительно так...».

Сначала она пошла по левой дорожке, затем вернулась и пошла по правой, потом все же выбрала левую.

Лес то редел, то густел, небо постепенно хмурилось, зарастая облаками – стало темнеть. Застегнув джинсовую куртку до верхней кнопки, Сашенька поежилась и прислушалась – ветер нагло пролетел по макушкам деревьев, и где-то хрустнула ветка.

«Только не надо бояться, не надо ничего придумывать, – затараторила она про себя. – Дождь, наверное, будет дождь... погода портится... вот и звуки разные мерещатся. А здесь никого, кроме меня, нет».

Минут через двадцать она поняла, что выбрала не ту тропинку, но признаваться в этом себе не спешила. Дорожка теперь была тоненькая, заросшая травой – вряд ли она вела к станции. Разум настойчиво предлагал вернуться обратно, и не на развилку, а к автобусу, но ледяной страх полз по спине, не давая возможности принять такое решение. Сашеньке казалось, что она перешагнула порог жуткой сказки и даже оборачиваться нельзя – все кошмары лесной чащи набросятся на нее, жадно облизываясь, стуча ложками по пустым тарелкам.

«Надо вернуться!» – строго сказала она себе и остановилась.

Хруп – раздалось сзади.

«Что это? Кто это?»

Хруп. Хруп.

«Показалось, конечно же, показалось...»

Хруп. Хруп. Хруп.

«Помогите!!! Помоги-и-те-е!!!»

Первым желанием Сашеньки было броситься вперед – не важно кто издает эти звуки, не важно кто стоит за спиной... стоит и дышит... нет, дыхание не слышно, но она-то чувствует... Собака? Чудовище? Маньяк? Людоед?... Не важно! Бежать! Бежать без оглядки!!!

Но страх теперь повязал по рукам и ногам – все, что Сашенька смогла сделать, так это медленно развернуться на месте...

Метрах в пятнадцати от нее стоял мужчина. Небритый, коротко стриженный. Волосы темные, почти черные. И джинсы черные, и свитер черный. Взгляд острый, тяжелый. В правой руке топор...

– Ты куда направляешься? – резко и хрипло спросил он, делая шаг ей навстречу.

«Не показалось... – обреченно подумала Сашенька, крепче сжимая ручки сумки. Шлеп – на нос упала крупная дождевая капля. – Не показалось...».

Глава 6

Дочь нефтяного магната

Сергей остановился и посмотрел на девушку. Немая она, что ли?.. Ах, да! Топор! Черт! Понимая, что, наверняка, напугал ее, он убрал руку за спину. Хотя, чего уж теперь... Да и без топора у него вид не слишком располагающий к беседе. Н-да... Хотел раздобыть немного дров, а нашел кое-что другое – кучу проблем, по всей видимости...

Усмехнувшись своим мыслям, он повторил вопрос:

– Ты куда направляешься?

Девушка прошелестела губами одно короткое слово, но разобрать его не удалось.

– Что?

– Гуляю... – тихий и писклявый ответ.

«Замечательно – гуляет она... с сумкой».

– И в какую же сторону ты гуляешь?

– Туда, – девушка дернула рукой и качнулась.

– Заблудилась?

Она усиленно замотала головой, отрицая его предположение. Кудрявые русые волосы вспорхнули вверх и несколько раз скользнули по овальному лицу.

«Заблудилась... Возись теперь с ней...».

– Ты в деревню шла?

– М-м-м...

«Хороший ответ. Наверное, не в деревню... Если так и дальше пойдет, то к утру я что-нибудь узнаю», – с иронией подумал Сергей.

Теперь он не мог ее бросить – хочет она того или нет, но ей придется принять его помощь. Уже темнеет и девочке не стоит шляться одной по лесу, тем более она понятия не имеет, где здесь юг, север, запад и восток.

– Давай ты скажешь, куда идешь, а я тебя провожу, – произнес он ровным голосом. «Это ж еще и предложить надо по-особенному, чтоб согласилась... Ну и денек сегодня!».

Сашенька упорно пыталась справиться с оцепенением и страхом, но коленки дрожали, язык не слушался, а сердце уже несколько минут обитало в районе живота – рухнуло вниз и затихло. Куда бежать: направо, налево, прямо? Кто этот человек и что ему нужно? О чем он сейчас спросил? Слова она слышала, но ничего не поняла...

Чувствуя, что до потери сознания остались считанные секунды, она шмыгнула носом и пролепетала:

– Спаси-и-ибо, до свидания.

– Послушай... тебе не надо меня бояться. Я всего лишь хочу помочь. На свете слишком много придурков и отпустить тебя одну неизвестно куда я не могу. Рад бы, но не могу.

«Уверен, она как раз и считает меня самым главным придурком в этом лесу», – Сергей нахмурился и, приняв решение больше не «тянуть резину», перешагнул тонкое дерево, поваленное непогодой, и направился к заблудившейся незнакомке. Он, в конце-концов, приехал сюда не в няньки играть – настроение и так паршивое, а тут еще она... Конечно, он все понимает – испуг и так далее, но... Пусть посидит у него в доме, переждет собирающийся дождь, прогреется, вспомнит куда шла, и он ее потом проводит – хоть до деревни, хоть до станции.

Осознав, что мужчина приближается, Сашенька почувствовала долгожданный прилив сил. Теперь она смогла разглядеть его лучше и добавленные к уже сложившемуся образу детали ей весьма не понравились. Ему около тридцати. Глаза не серые – нет, они стальные... Над бровью короткий белый шрам... И веет

от этого человека невыносимой опасностью! Бежать... Бежать!!!

– Дождь начинается, мой дом недалеко... – начал Сергей, замедляя шаг, но его слушать никто не собирался.

– До свидания! – вдруг крикнула девушка и тут же бросилась в лес. Ее голубая джинсовая курточка светлым пятном замелькала среди деревьев.

Несколько секунд Сергей стоял неподвижно, дивясь траектории, по которой двигалась «его маленькая проблема». Девчонка то дергалась вправо метров на пять, то влево, то кружила на небольшом пятнышке, то тормозила и ныряла в кусты.

«Следы заметает, что ли?.. – изумленно подумал он и, оставив топор на дряхлом пне, сорвался с места. – Ну, куда она? Куда?! Потом же вообще не выберется! Ненормальная!».

– Стой! Да не трону я тебя! – он с налета перепрыгнул небольшой муравейник, подвернул ногу, выдал строчку нецензурных слов и прибавил скорость. – Бери левее! Прямо – обрыв!!! – заорал он и мысленно назвал себя полным идиотом. Теперь получается, он дает советы, как лучше от него сбежать. Но с другой стороны, еще не хватало, чтобы девчонка свернула шею! «А может, еще посоветовать бросить сумку, это даст ей возможность продержаться на пол минуты дольше...».

Черт! Теперь он споткнулся о сумку... кажется, беглянка вполне справляется и без его советов. Сергей хмыкнул – расстояние между ними сокращалось...

* * *

Плечо сжали сильные пальцы, и Сашенька взвизгнула. Он ее поймал: как мотылька, как воробья, как зайца. А на что она надеялась? За стометровку в школе никогда не ставили больше четверки. Да будь она хоть олимпийской чемпионкой по бегу, он все равно бы догнал!

– Не бойся меня... – он развернул ее и крепко прижал к себе. – Ну, видишь, я почти не страшный.

Тяжело дыша, они затаившееся мгновение смотрели друг на друга.

- Отпустите меня, пожалуйста, - жалостно всхлипнула Сашенька.

- Ты забыла добавить «дяденька». - Он усмехнулся, покачал головой, ослабил хватку и, крепко сжав ее запястье, потянул за собой обратно. - Тебя как зовут?

- А вам зачем?

- Для нормального человеческого общения. Я - Сергей.

- Александра, - помедлив, ответила она.

- Сашка, что ли? - Сергей обернулся. - Или Шура?

- Саша.

Вдалеке громыхнул гром. Дождевые капли зачастили ему в ответ, зашумели, зачиркали по листочкам. Сергей пошел быстрее, нагнулся и подхватил свободной рукой сумку, которая оказалась легкой.

- Топор заберем - и бегом в дом, - сказал он. - Дров на вечер хватит, согреешься.

- Спасибо, я не замерзла, - выпалила Сашенька, еще надеясь вырваться на свободу. - Отпустите, мне на станцию надо...

- И ты знаешь, где она находится? Не дури, дождь закончится - я тебя провожу. Ты в Москву собиралась?

- Да.

Больше Сергей задавать вопросы не стал, пусть девчонка успокоится, а то дрожит, как осиновый лист. И понесла же ее нелегкая этой дорогой... Лучше бы она согласилась остаться у него до утра - завтра он все равно возвращается в Москву. Но от такого предложения она уж точно упадет в обморок, и так, наверняка, напридумывала себе кошмаров размером с небоскреб.

Сашенька шла, как во сне. Плечи и рукава уже промокли, и знобило не то от страха, не то от холода. Очень хотелось оказаться в тепле, и даже продуваемая ветрами терраса, на которую ее выселила Галина Аркадьевна, сейчас казалась самым уютным местом на Земле. Зачем она потащилась в Москву? Почему не осталась в автобусе? Наверное, его сейчас чинят... Сколько прошло времени? Час или два?

Деревья расступились, и Сашенька увидела уложенную волнистым шифером крышу – тонкая струйка дыма тянулась из трубы вправо к лесу. Высокий забор, выкрашенный зеленой краской, обхватывал весомый участок земли и горделиво демонстрировал тяжелую кованую калитку, сквозь решетку которой была видна дорожка и зад темно-синего джипа.

– Добро пожаловать, – глухо сказал Сергей, устремляясь к дому.

Вдали показался край деревни, и для Сашеньки это стало приятным моментом.

Калитка скрипнула, под ногами зашуршали мелкие камушки гравия. Три стертых ступеньки, дверь и... наконец-то тепло.

– Снимай мокрую одежду и бросай куда-нибудь, я ее сам потом просушу.

Сашенька послушно стянула куртку и положила ее на подлокотник старомодного кресла. В самом кресле мятой кучей лежали какие-то вещи... Пиджак, рубашка, галстук... «Костюм», – с удивлением отметила Саша и покосилась на Сергея. Затем взгляд ее скакнул по комнате, выхватывая особо примечательные фрагменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/yuliya-klimova/zdravstvuyte-ya-vasha-zolushka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)